На правах рукописи

Обухова Екатерина Александровна

В. В. НАБОКОВ И ЕГО КРИТИКИ (1920-1930-е гг.): ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2019

Работа выполнена на кафедре русского языка и русской литературы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель — *Черкасов Валерий Анатольевич*, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кафедра теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, профессор

Официальные оппоненты — *Коковина Наталья Захаровна*, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет», кафедра литературы, профессор

Неволина Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет», кафедра литературы, доцент

Ведущая организация — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского»

Защита состоится «19» декабря 2019 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 999.014.03 на базе ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» по адресу: 160001, г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет» по адресу: г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6, а также на сайте http://vogu35.ru/nauka/sovety/dissertatsionnyj-sovet-d-999-014-03/zashchita-dissertatsij-d-999-014-03

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент _____ Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В 1916 году В.В. Набоков издал свою первую книгу «Стихи. В.В. Набоков». В автобиографии «Память, говори» (1967) Набоков упоминает хвалебную рецензию на эту книгу некого безымянного критика, обязанного отцу писателя. Эта статья была подобострастна и неправдива, так что, по словам писателя, «навсегда излечила меня от всякого интереса к единовременной литературной славе и была, вероятно, причиной того почти патологического равнодушия к “рецензиям” дурным и хорошим, умным и глупым, которое в дальнейшем лишило меня многих острых переживаний, свойственных, говорят, авторским натурам»[1]. Вопреки этому утверждению, в современном набоковедении сложилось устойчивое убеждение в том, что писатель на самом деле проявлял весьма пристальный интерес и ярко выраженное эмоциональное отношение к критике на его счет. Кроме того, забегая вперед, скажем, что за текстом «Память, говори» Набоков поступал прямо наоборот сформулированной им логической связи между хвалебными рецензиями и его равнодушием ко всяким критическим суждениям. Другими словами, он реагировал на «хвалу и клевету» критиков, ценя аристархов и презирая зоилов. Так же поступал и А.С. Пушкин, вопреки собственному известному завету из «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…», которому в данном случае следовал Набоков.

Здесь необходимо обосновать причины, по которым мы в нашей работе избрали в качестве материала для анализа критические отзывы о художественных произведениях Набокова только 1920-х гг., а не всего русского периода в целом. Разумеется, мы нисколько не претендуем на переосмысление цельности и законченности этого периода творческой эволюции классика мировой литературы. Однако в недавно опубликованных архивных источниках – письмах Набокова к редакторам «Современных записок», Г.П. Струве, В.Е. Набоковой – содержатся весьма ценные сами по себе для нашего исследования *прямые,*

[1] Бойд, Брайан. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. – М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2001. С. 147.

высказанные *по горячим следам* оценки со стороны писателя личности и творчества того или иного критика, откликнувшегося на его произведения именно 1920-х гг. И эти оценки послужили нам ключом для раскрытия полемического подтекста многих художественных произведений Набокова, таких как: роман «Дар» (1938), романы-автобиографии «Другие берега» (1954) и «Память,говори», предисловий к английским изданиям «Машеньки», «Король дама, валет», «Защита Лужина» и др. Тем более что и технический регламент позволил нам выделить указанный материал как достаточно репрезентативный для жанра кандидатского диссертационного исследования. Проведенное нами исследование полемики Набокова со своими критиками-современниками дает нам твердые основания надеяться, что дальнейшая публикация материалов из архива писателя раскроет подтекст его художественных произведений и 1930-х, и дальнейших, уже американских, лет. Таким образом, для достижения поставленных целей в нашем диссертационном исследовании хронологический аспект существен постольку, поскольку позволяет установить *внешние*, композиционные рамки для накопившегося в результате публикации архивных источников материала.

Актуальность избранной темы обусловлена:

– большим количеством посвященных изучению литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг. литературоведческих исследований, многие из которых стали классикой мирового набоковедения (А. Арьев, С. Давыдов, О. Дарк, А.А. Долинин, М.Э. Маликова, Н.Г. Мельников, Л.А. Фостер, В.А. Черкасов, С.А. Швабрин, М.Д. Шраер). Для нашей работы особое значение имеют продуктивные усилия Долинина по выявлению тех или иных критических отзывов 1920–1930-х гг. о произведениях Набокова в качестве источников полемического подтекста в творчестве писателя.

– публикацией многочисленных источников из архива Набокова, раскрывающих в новом свете полемический подтекст в творчестве писателя (его переписка с Г.П. Струве, с редакторами «Современных записок» и со своей женой).

– необходимостью переосмысления до сих пор применяемого для исследования подобных тем интертекстуального метода и введения в широкий литературоведческий оборот, может быть, не столь популярного, но доказавшего свою эффективность метода поиска источников.

Объектом исследования являются как художественные, так и нехудожественные произведения Набокова в контексте литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг. и новейших достижений в данном направлении набоковедения как отдельной научной дисциплины.

Предметом исследования является полемический подтекст в творчестве Набокова и его связь с оценочными суждениями критиков 1920–1930-х гг. о его произведениях 1920-х гг.

Метод предпринятого исследования. При изучении литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг., посвященной произведениям писателя 1920-х гг., был применен мотивный анализ. При этом отзывы критиков считаются единым текстом, в основе которого находится лейтмотивная структура. Эти отзывы рассматриваются как источники полемического подтекста творчества Набокова, то есть, в формулировке В.Е. Ветловской, как сознательные «отсылки» писателя «к художественным и нехудожественным (научным, публицистическим, биографическим, мемуарным и пр.) сочинениям, так или иначе соотносящимися с анализируемым текстом». Кроме поиска источников, полемический подтекст творчества Набокова раскрывается также с помощью биографического метода, который подразумевает допущение прямой каузальной связи между первичной реальностью и литературным фактом.

Целью диссертационного исследования является анализ полемического подтекста творчества Набокова в контексте диалога писателя с его критиками 1920–1930-х гг.

Для решения поставленной в работе цели мы намерены решить следующие **задачи**:

– выяснить генезис и эволюцию основных тем и мотивов в отзывах литературных критиков 1920–1930-х гг. о произведениях Набокова 1920-х гг.,

послуживших источником для формирования полемического подтекста в творчестве писателя.

– показать взгляды Набокова на ту или иную теоретико-литературную проблему, поднимаемую критикой в отзывах о произведениях писателя 1920-х гг.

– проанализировать прямой полемический отклик Набокова на эти отзывы, а также скрытый подтекст, найденный нами в его произведениях различных жанров.

– рассмотреть личные и творческие контакты Набокова со своими критиками 1920–1930-х гг. в свете занимаемой им полемической позиции в отношении их суждений о его произведениях 1920-х гг.

Материалом для анализа являются литературно-критические статьи критиков 1920–1930-х гг., посвященные художественным произведениям Набокова 1920-х гг. («Гроздь», «Горний путь», «Машенька», «Университетская поэма», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Возвращение Чорба»), а также сами эти произведения; художественные произведения Набокова, в которых содержатся отсылки писателя к оценочным суждениям критиков межвоенного двадцатилетия по поводу его произведений 1920-х гг. (роман «Дар», романы-автобиографии «Другие берега» и «Память, говори», рассказы «Пассажир» и «Уста к устам»); нехудожественные тексты Набокова, в которых содержатся прямые и скрытые отклики на личность и творчество критиков, писавших о его произведениях 1920-х гг. (переписка с Г.П. Струве, с женой, с редакторами «Современных записок», рецензии и статьи 1920–1930-х гг., лекции по русской и зарубежной литературе, предисловия к английским изданиям его художественных произведений 1920–1930-х гг., интервью, собранные в книгах «Строгие суждения» («Strong Opinions») и «Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе»).

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Основными темами литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг., посвященной книгам Набокова «Гроздь» и «Горний путь», являются «прозаизированность» и «подражательность» вошедших в их состав стихов.

2. В критике 1920-х гг. были открыты актуальные для современного набоковедения темы «потусторонности» и «поэтики кино» в творчестве Набокова. С другой стороны, в отзывах на роман «Машенька» активно разрабатывались в негативном плане мотивы влияния на автора творчества других писателей (И.С. Тургенева, М. Пруста, И.А. Бунина и др.), «натурализма», «бытовизма», «культурности» и «игры приемами».

3. В отзывах на роман Набокова «Король, дама, валет» наблюдается попытка определить аутентичное для творчества писателя литературное направление. Большинство критиков пришло к выводу о преобладающем влиянии модернизма на автора этого романа.

4. Авторитет Г.В. Адамовича как литературного критика надолго определил характер оценочных суждений о творчестве Набокова. Однако сам Адамович многие из развиваемых им мотивов заимствовал из работ Струве, Мочульского, Осоргина. Отзывы критиков на «Возвращение Чорба» в основном развивают мотивы, заявленные в набоковиане, посвященной «Защите Лужина».

5. В полемическом подтексте литературно-критических статей Набокова о поэтах-современниках; переписки Набокова с Г.П. Струве; сцен первоапрельской шутки героя романа «Дар» А.Я. Чернышевского о существовании хвалебной рецензии на книгу стихов Ф.К. Годунова-Чердынцева и первого воображаемого диалога последнего с Кончеевым содержится пародийно-сатирическое отражение темы прозаизации в стихах Набокова, развиваемой в статьях критиков 1920-1930-х гг. Набоков сознательно культивировал в своем поэтическом творчестве «прозаизацию» и «стилизованность».

6. В подтексте рассказа В.В. Набокова «Пассажир», диалогов между героями «Дара» Ф.К. Годуновым-Чердынцевым и Кончеевым, а также лекций, посвященных творчеству И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, содержится полемика с негативной оценкой со стороны Айхенвальда откровенных сцен в романах «Машенька» и «Король, дама, валет». В лекции о творчестве И.С. Тургенева и в романе «Дар» Набоков опровергнул утверждаемый критикой 1920-1930-х гг. тургеневский генезис своих персонажей.

7. Полемический подтекст предисловий Набокова к английским изданиям «Машеньки», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», романов-автобиографий «Другие берега» и «Память, говори» формируется по принципу зеркального отражения оценочных суждений критиков 1920–1930-х гг. о произведениях писателя 1920-х гг.

8. Рецензия сатирического персонажа романа «Дар» Христофора Мортуса на «Жизнеописание Н.Г. Чернышевского» является пародией на сборник литературно-критических статей З.Н. Гиппиус «Литературный дневник» (1907). В подтексте карикатурного образа писателя-«общественника» Ширина, а также саркастического изображения собрания Общества Русских Литераторов в Германии в романе «Дар» содержится богатый материал для переадресации антидекадентских колкостей З.Н. Гиппиус социально ангажированной литературе, апологетом которой она являлась. Ипостась поэтессы в личности З.Н. Гиппиус отразилась в образе Кончеева из романа «Дар».

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– предпринята первая попытка целостной интерпретации полемического подтекста в творчестве Набокова, сформированного в диалоге с оценочными суждениями критиков 1920–1930-х гг. о произведениях писателя 1920-х гг.

– впервые рассмотрены основные темы и мотивы литературно-критической набоковианы межвоенного двадцатилетия в плане их генезиса и эволюции; литературно-критические отзывы на произведения Набокова 1920-х гг. представлены с максимальной на данный момент количественной полнотой.

– впервые отдельные острые наблюдения в современной научно-исследовательской литературе о мотивной структуре набоковианы 1920–1930-х гг. представлены как единая картина, составляющая необходимое условие для возникновения историко-литературного подхода к данной проблематике.

– продемонстрированы новые наблюдения и выводы по поводу роли литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг. в формировании полемического подтекста как в художественных, так и в нехудожественных произведениях Набокова.

– продемонстрированы возможности мотивного анализа и поиска источников как общего методологического подхода для изучения истории литературной критики, а также для решения такой нелегкой задачи, как выявление полемического подтекста в творчестве Набокова.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что ее результаты позволяют выявить структурообразующую функцию системы лейтмотивов в литературно-критической набоковиане 1920–1930-х гг.; решить проблему интерпретации полемического подтекста в творчестве Набокова.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут найти применение при построении курсов по истории русской литературы и критики 1920–1930-х гг., в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству В.В. Набокова, Ю.И. Айхенвальда, Г.В. Адамовича, З.Н. Гиппиус и др.

Апробация. Результаты диссертационного исследования апробированы в четырех статьях, опубликованных в научных изданиях по списку ВАК, в двух статьях – из БД РИНЦ, в выступлениях на международных конференциях (Курск, Орел).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, насчитывающего 132 позиции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяется проблема, цель, объект, предмет и задачи исследования; определяется исследовательская методология; формулируется научная новизна и положения, выносимые на защиту; определяется материал исследования и дается обзор научной литературы по теме выпускной квалификационной работы.

Первая глава работы «**Критические оценки произведений В.В. Набокова 1920-х гг. как источник формирования полемического подтекста в творчестве писателя»** посвящена аналитическому обзору основных литературно-критических концепций 1920–1930-х гг. произведений Набокова 1920-х гг.,

которые послужили источником для формирования полемического подтекста в творчестве писателя.

В параграфе «**Критика 1920–1930-х гг. о поэзии Набокова»** рассматривается генезис и эволюция основных лейтмотивов литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг., посвященной книгам «Гроздь» и «Горний путь». Уже в самых первых отзывах критиков на эти сборники стихов (П.О. Шутяков, Н. Яковлев) формулируется одна из центральных в набоковиане тема взаимосвязи прозы и поэзии в творчестве писателя. Эта тема становится одной из основных в набоковедческих работах Г.П. Струве – от первой рецензии на указанные сборники стихов (1923) и до монографии «Русская литература в изгнании» (1956). Струве сформулировал положение о вторичности поэзии в творчестве Набокова, аргументируя свое мнение, на его взгляд, очевидной прозаизированностью стихов «Грозди» и «Горнего пути», выражающейся в логичности развития мотивов, «перегруженностью деталями», отсутствием «блоковской» либо «фетовской» музыки. В этом же контексте следует рассматривать сравнение стихов Набокова и В.Г. Бенедиктова, которое Струве употребил для большей убедительности своего положения об антипоэтичности набоковской музы.

Тезис Струве о вторичности поэзии в творчестве Набокова развил недружелюбно настроенный по отношению к писателю Г.В. Адамович в одном из своих отзывов на роман «Защита Лужина»: «Сразу стало ясно, что к прозе Сирин имеет значительно больше расположения, чем к стихам»[2]. На наш взгляд, авторитет Адамовича способствовал тому, что это мнение оказалось приговором всему поэтическому искусству Набокова межвоенного двадцатилетия.

Противоположную оценку прозаизированности в стихах Набокова предложили, во-первых, ученица Н.С. Гумилева В.И. Лурье, посчитавшая ее эффективным художественным приемом, отнюдь не деструктивным в отношении так называемой «поэтичности», которая ассоциировалась в то время прежде всего

[2] Адамович, Г.В. «… Наименее русский из всех русских писателей…»: Георгий Адамович о Владимире Сирине (Набокове) // Дружба народов. – 1994. – № 6. – С. 218.

с творчеством А.А. Блока; во-вторых, Ю.И. Айхенвальд, ратовавший в своем отзыве прежде всего за чистоту и точность словесного выражения, а не за пресловутую «музыкальность» как залог удачных стихов.

Стилизованный, подражательный характер является еще одной особенностью поэзии Набокова, которая стала лейтмотивом в критических дискуссиях 1920-х гг. В этой связи в критике указывалось в качестве образцов для стихов Набокова творчество как перворазрядных, так и третьеразрядных поэтов, но чаще всего повторялись все-таки имена А.А. Блока (А.В. Бахрах, К.В. Мочульский), и А.А. Фета (К.В. Мочульский, Г.П. Струве). Многие литературные критики 1920-х гг. негативно оценили стилизованный характер стихов «Грозди» и «Горнего пути», не называя при этом конкретных имен предполагаемых поэтических «вдохновителей» Набокова (В.И. Лурье, Ю.В. Офросимов, М.Л. Слоним).

На фоне этих повторов об «учителях» Набокова в поэтическом мастерстве проницательно наблюдение Айхенвальда о западноевропейских корнях его поэзии, особенно ценное в связи с признанием писателя о влиянии на него «поэтов-георгианцев»[3].

В параграфе «**Критика 1920–1930-х гг. о романе “Машенька”»** рассмотрена символическая интерпретация этого произведения Айхенвальдом. Именно благодаря присутствию символического плана в тексте «Машеньки» ее предметный план, согласно мнению критика, приобретает свойство «миражности», «сновидения», «роковой неподлинности»[4]. С другой стороны, приобретая символическое значение, предметный план романа, по Айхенвальду, указывает на идею «иных миров». Апофеозом символизации предметного плана романа является, согласно Айхенвальду, образ заглавной героини, которая «светится отблеском России», «пленяет как символ». Таким образом, Айхенвальд первым открывает тему «потусторонности» в творчестве Набокова. Айхенвальд открыл также целый ряд тем, имеющих конструктивное значение для понимания

[3] Набоков, В.В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. – СПб.: «Симпозиум», 2000. Т. 1. С. 780.
[4] Айхенвальд, Ю.И. Литературные заметки // Руль. – 1926. – 31 марта.

творчества Набокова: «внутренний лиризм» в повествовательной структуре романа; четкость и стройность его композиционного рисунка; детализированность и антропоморфизацию этих деталей; синестезию авторского мировидения как характерную особенность набоковского стиля. Однако критик упрекнул Набокова в неуместности откровенных деталей в изображении идеальной («романтической») любви Ганина к Машеньке, которая приводит к стилистической рассогласованности.

Струве развил наблюдение Айхенвальда о композиционной стройности повествования в романе. Однако он сузил его концепцию символизации предметного плана «Машеньки», указав на символичность лишь образа заглавной героини. Кроме того, Струве указал на творчество И.С. Тургенева как на образец для автора «Машеньки», завязав «тургеневский» сюжет в литературно-критической набоковиане 1920–1930-х гг., который по своей популярности в то время может соперничать разве что с лейтмотивом «вторичности поэзии в творчестве Набокова».

А.С. Изгоев, К.В. Мочульский заметили сходство между пассивным отношением Ганина и героя из тургеневской повести «Аси» к своим возлюбленным. При этом в своих выводах они опирались на концепцию, сформулированную Н.Г. Чернышевским в статье «Русский человек на rendez-vous» (1858), согласно которой главной проблемой героя «Аси» объявлялось «дрянное бессилие характера», «неспособность принять решение и действовать»[5]. Однако Мочульский, применив биографический метод в сатирических целях, адресовал самому Набокову «дряхлость», «женственность натуры», «мечтательность», которые он применил к герою «Машеньки». Кроме того, Мочульский акцентировал мотив литературной культуры Набокова в ущерб его оригинальному творчеству, чтобы обвинить его в подражательности не только в стихах, но и в прозе; иронически осветил искусство Набокова-романиста как не очень умелую игру приемами; развил в негативном ключе беглое замечание Айхенвальда о натуралистичности, то есть откровенности, в набоковских описаниях беженского

[5] Паперно, И. Н.Г. Чернышевский – человек эпохи реализма. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 133.

быта и вообще снял с повестки дня темы «потусторонности» и «внутренней лиричности» в «Машеньке», сформулировав в первом же предложении основную тему романа: «…из быта эмиграции»[6].

Открытую Айхенвальдом тему символизации в романе «Машенька» развивали в своих концепциях С.Г. Шерман, Д.А. Шаховской, Н.Е. Андреев. Согласно Шерману, глубоко символичен поиск героем России. Андреев считает тему «сильного человека по Чернышевскому» второстепенной в повествовательной структуре романа. Шаховской указывает на стремление Набокова к духовному реализму Достоевского. В любом случае наблюдается полемика с концепцией характера Ганина как «лишнего человека» по Чернышевскому. Согласно Шаховскому, сознательный отказ героя от реализации своего любовного чувства к Машеньке свидетельствует о его духовной силе. Андреев, во-первых, акцентирует релевантность темы «внутреннего лиризма» для повествовательной структуры «Машеньки», во-вторых, полемизирует с концепцией прозаического искусства Набокова как «игры приемами», источником которой послужила статья Мочульского о «Машеньке», в третьих, опровергает концепции Струве и Мочульского о губительном влиянии культурности на какое-либо проявление непосредственных эмоций в творчестве Набокова.

На последующие отзывы критиков о романе «Машенька» определяющее влияние оказала концепция Мочульского. Н.Ф. Мельникова-Папоушек, М.А. Осоргин, С.П. Постников, Г.П. Струве варьировали в своих статьях тему быта как основную для «Машеньки», отказавшись от тем «потусторонности» и «внутреннего лиризма». Осоргин и А.В. Амфитеатров присоединились к мнению о тургеневском генезисе автора «Машеньки». Н.Ф. Мельникова-Папоушек и М.Л. Кантор развивали тему сравнения творчества Набокова с творчеством М. Пруста в ущерб русскому автору.

---

[6] Цит. по: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г. Мельникова. М.: Новое Литературное Обозрение, 2000. С. 29.

В параграфе **Критика 1920–1930-х гг. о романе «Король, дама, валет»** рассматривается изменение оценочной модальности в отзыве Айхенвальда на этот роман Набокова. К числу недостатков «Король, дама, валет» критик отнес психологическую немотивированность фабульного решения. Он призывал писателя отказаться от откровенности в изображении любви, обратившись к традиции автора «Анны Карениной».

Осоргин отверг идею бытописательства и отнес творчество писателя к социальной, антибуржуазной сатире. Кроме того, он открыл тему национальной обезличенности стиля «Король, дама, валет», которая эволюционировала затем в тему «нерусскости» творчества Набокова: «… талантливый роман, который мог появиться на любом языке, естественнее всего на немецком, и который в переводах будет, вероятно, иметь успех не меньший, чем в подлиннике»[7].

Остальные критики, как Осоргин, в основном размышляли о принадлежности творчества Набокова к тому или иному литературному направлению.

Андреев заметил социально-обличительную направленность Набокова в изображении «буржуазной среды Берлина», «нелепой бессмыслицы мещанской жизни»[8]. Струве возвел генезис «Король, дама, валет» к символистскому роману. М.О. Цетлин обоснованно отнес творчество Набокова к немецкому экспрессионизму, на который в свою очередь, по его мнению, оказало влияние творчество Леонида Андреева. Слоним присоединился к мнению Цетлина о влиянии немецкого экспрессионизма на «Король, дама, валет». К.И. Зайцев сформулировал ведущий художественный метод автора «Король, дама, валет» как гротеск. Амфитеатров указал на влияние Золя и футуризма.

Кроме того, Цетлин и Слоним развили открытую Осоргиным тему национальной обезличенности стиля «Король, дама, валет». В пику Осоргину, Цетлину и Слониму, Амфитеатров указал на «типически русское письмо»

[7] Цит. по: Классик без ретуши… С. 41.
[8] Там же. С. 190.

Набокова. Андреев высмеял критиков, не увидевших искусной стилизации Набокова в «Король, дама, валет».

В параграфе «**Критика 1920–1930-х гг. о романе “Защита Лужина”»** рассматриваются прежде всего отзывы на произведения Набокова 1920–1930-х гг. ведущего критика русского зарубежья Г.В. Адамовича, ввиду их определяющего значения для эволюции литературно-критической набоковианы, а также релевантности в формировании полемического подтекста в творчестве Набокова. Уже в первом печатном отзыве на «Защиту Лужина» Адамович модифицировал концепцию Осоргина немецкого генезиса стиля Набокова, сделав предположение, вслед за Амфитеатровым, о французском генезисе этого романа. В отзыве от 7 декабря 1929 г. появляется специфически «адамовический» мотив негативной оценки писательского мастерства Набокова, которое характеризуется как «искусственность»[9]. Адамович ввел в широкий оборот обвинение писателя в «литературности» его произведений, их «внешнем блеске». Этим обвинением критик указывал на ущербность и пустоту идейного «содержания» произведений Набокова. В рецензии от 15 мая 1930 г. Адамович заметил немотивированность появления гостьи из Ленинграда, а также и концовки романа. По мнению критика, в основе его фабулы положен «клинический случай»[10], то есть, как подразумевается, заглавный герой – психопат. В итоговом предисловии к изданию «Защиты Лужина» начала 1960-х гг. Адамович резюмировал все мотивы, сформулированные им в набоковедческих статьях 1920–1930-х гг.: французского генезиса прозы Набокова; «внешнего блеска» его повествования; немотивированности фабульного решения романа и характера Лужина; подчеркиавания «безжалостного» отношения автора к своему герою и, как следствие, разрыва Набокова со всей русской литературной традицией; отождествления автора и героя.

Влияние авторитетных вердиктов Адамовича заметно в скандальном отзыве Г. Иванова на произведения Набокова (март 1930 г.), в котором развиваются

[9] Адамович, Г.В. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. – 1929. – 7 декабря.
[10] Адамович, Г.В. Современные записки, кн.42 // Последние новости. – 1930. – 15 мая.

мотивы немецко-французского генезиса и «внешнего блеска». Тему немецкого генезиса прозы Набокова в негативном плане раскрыл в своем отзыве В.В. Вейдле, а З.Н. Гиппиус акцентировала тему «внешнего блеска» в творчестве Набокова. Г.П. Струве развил концепцию Адамовича о судьбе героя как о «клиническом случае», а о самом герое как о психопате. Впрочем, в последнем случае наблюдается взаимообмен мотивами: Адамович в свою очередь развил мотив «вторичности поэзии в творчестве Набокова» и его «гоголевского генезиса», которые появились впервые в набоковедческих статьях Струве. Таким образом, суждения Струве о творчестве Набокова имеют много общего с враждебной в отношении него критикой.

Критики, отметившиеся позитивными отзывами о «Защите Лужина», отталкивались в своих выводах от обвинительных вердиктов Адамовича. Так, С.Г. Шерман и Н.Е. Андреев опровергли его тезис о «нерусскости» творчества Набокова; подчеркнули глубокую человечность образа Лужина, а концовку романа посчитали психологически мотивированной, подчеркивающей человеческое достоинство героя. Так же трактовали характер Лужина Г.Д. Хохлов и В.Л. Андреев.

В параграфе «**Критика 1920–1930-х гг. о книге “Возвращение Чорба”»** рассматриваются немногочисленные, сравнительно с отзывами на «Защиту Лужина», статьи о сборнике «Возвращение Чорба». Весьма ценным представляется наблюдение Г.Д. Хохлова о прямом влиянии Набокова на своих героев как на характерную черту поэтики его произведений. Статьи остальных критиков тематически связаны с их отзывами о «Защите Лужина».

Во **Второй главе** нашей работы «**Критика 1920–1930-х гг. о произведениях В.В. Набокова в полемическом подтексте творчества писателя»** рассматривается как прямой, так и уходящий в подтекст диалог писателя с критиками, негативно оценившими его произведения 1920-х гг.

В параграфе **«Вокруг “Грозди” и “Горнего пути”»** анализируются собственные взгляды Набокова на поднятые его критиками проблемы соотношения поэзии и прозы в художественном творчестве и «стилизованности»

стихов. Согласно литературно-критическим статьям писателя 1920–1930-х гг., он отвергал простую подражательность, с ее «неразличимостью» от чужого стиля – «объекта подражания»[11], однако культивировал в своем творчестве стилизацию, то есть «намеренную и явную имитацию того или иного стиля, полное или частичное воспроизведение его особенностей»[12]. Несмотря на критику, Набоков также сознательно прозаизировал свои стихи на всех уровнях, стремясь к правильному ритму вне зависимости от их содержания; к сюжетности мотивов по образцу баллады; к богатым рифмам; к тропам, слова в которых связаны по их семантическим значениям. В своих теоретических выводах и поэтической практике Набоков ориентировался на пушкинскую модель стиха.

Далее рассматриваются «индивидуальные» сюжеты в полемике Набокова с распространенными в критике 1920–1930-х гг. негативными оценками прозаизирования и стилизованности его стихов. При этом наблюдается принцип зеркальности в изображении личности того или иного враждебного в отношении писателя критика. Набоков представил фигуру Мочульского не имеющей личностного начала; Офросимова – безымянным театральным рецензентом в романе «Дар», чей кругозор ограничивается провинциальной прессой; Струве – как союзника враждебного для него «Цеха поэтов», чьи оценки его произведений мало чем отличаются от вердиктов Адамовича или Г. Иванова, а стихи – подражательны, ничем не отличаются от стихов В.Ф. Ходасевича, а также многочисленных поэтов, писавших на морскую тематику. В литературно-критических статьях 1920–1930-х гг. и в романе «Дар» Набоков жестко критиковал стихи парижских и пражских поэтов.

Источником полемического подтекста сцены первоапрельской шутки героя «Дара» А.Я. Чернышевского, убедившего Ф.Г. Годунова-Чердынцева в наличии хвалебной рецензии на его первый сборник стихов, является тема прозаизации стихов Набокова, которая была заявлена в статьях Струве и доведена до логического предела в отзывах Адамовича. На наш взгляд, дата появления

[11] Тамарченко, Н.Д. Подражание // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 172.
[12] Козьменко, М.В. Магомедова, Д.М. Стилизация // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий… С. 243.

мнимой хвалебной рецензии в «Даре» – 1 апреля 1926 г. – является аллюзией на соответствующую дату публикации рецензии Струве на «Машеньку», в которой тот впервые сформулировал мотив вторичности поэзии в творчестве Набокова. Тема прозаизации стихов Набокова, заявленная Струве, является также источником полемического подтекста первого диалога Ф.К. Годунова-Чердынцева с Кончеевым: как Струве не увидел в стихах писателя «музыкальности» и, как следствие, отнес их к прозе, так и собеседник Федора назвал его стихи «моделями […] будущих романов»[13].

В параграфе **«Полемика Набокова с критиками “Машеньки”»** прежде всего рассматриваются негативные оценки Айхенвальдом натуралистических сцен в «Машеньке» и «Король, дама, валет» как источник формирования полемического подтекста в творчестве Набокова.

В концовке рассказа «Пассажир» (1927), где один из героев пытается наполнить вином для своего визави рюмку с обгоревшей спичкой, обнаруживается ирония писателя в отношении пуристских взглядов своего критика на откровенное изображение в искусстве. В первом диалоге Ф.К. Годунова-Чердынцева с Кончеевым раскрывается художественная целесообразность принципов натуралистического изображения в творчестве И.А. Гончарова и А.Ф. Писемского. Наоборот, в лекции о жизни и творчестве И.С. Тургенева Набоков иронически трактует принципиальный отказ художника от откровенного изображения любовных сцен в своих произведениях. Эта ирония косвенно указывает на несогласие писателя с Айхенвальдом как апологетом подобного подхода. Также в свете данной полемики с Айхенвальдом, призывавшим Набокова взять за образец изображение любовных сцен в «Анне Карениной», в нашей работе рассматривается оригинальная интерпретация писателем взаимоотношений героев этого романа Л.Н. Толстого. По мнению Набокова, не Анна и Вронский воплощают идеальную любовь в понимании Толстого, а Кити и Лёвин; а неслыханная для своего времени по откровенности

[13] Набоков, В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. – СПб.: «Симпозиум», 2000. Т. 4. С. 256.

сцена родов Кити представляет собой огромный шаг вперед в познании мира и человека, сравнимый с величайшими достижениями в естествознании.

Далее рассматривается полемика Набокова с концепцией тургеневского генезиса Ганина. По его мнению, в отличие от последнего, тургеневские герои лишены чувства юмора; проявляют слабость воли, будучи не в состоянии отказаться от безнадежной любви; живут в прошлом. Внешне и герой «Дара» Ф.К. Годунов-Чердынцев напоминает как героев Тургенева, так и их творца. Однако по сути он сделан из совсем другого теста, сотворив язвительную пародию на прототипа Базаровых и при этом без тургеневской чувствительности откликнувшись на негативную критику по поводу своего «Жизнеописания Чернышевского». По мнению Набокова, критики, подобно Мочульскому, применившие биографический метод в своей интерпретации Ганина и при этом указавшие на его тургеневский генезис, оказались непоследовательными в своих выводах: ведь сам он как личность является полной противоположностью Ивану Сергеевичу.

Недавно опубликованные письма Набокова к жене свидетельствуют о верности догадки Н.Ф. Мельниковой-Папоушек, первой открывшей тему влияния М. Пруста на творчество Набокова; о восторженной первой реакции Набокова на рецензию М.А. Осоргина на «Машеньку»; о реальном общении Д.А. Шаховского и Набокова как источнике для таких мотивов второго диалога Ф.К. Годунова-Чердынцева с Кончеевым, как любовь к творчеству Достоевского, возможная благодарность за положительный отзыв на книгу своего визави, «божественная связь» между собеседниками-поэтами[14].

В предисловии к английскому переводу «Машеньки» 1970 г. Набоков выделил как конструктивную для его замысла тему «внутреннего лиризма», восходящую к статье Айхенвальда об этом романе.

В параграфе «**Набоков и Айхенвальд»** резюмируются доступные нам на настоящий момент сведения об отношении Набокова к этому критику, который оказал на его писательское самосознание благотворное влияние. Предполагается,

[14] Там же. С. 516.

что проницательное наблюдение Айхенвальда о влиянии кино на поэтику автора «Король, дама, валет» могло быть вызвано его осведомленностью в глубоком интересе писателя к этому виду искусства. Кроме того, рассматриваются как знаковые для взаимоотношений писателя и критика совпадения их рецепции творчества Б.Л. Пастернака, Ф.М. Достоевского. Однако в отношении к личности творчеству В.Г. Белинского их взгляды существенно разошлись. В сцене характеристики Кончеевым собственной поэзии Набоков переадресовал Айхенвальду его выводы об инфантильности эстетических вкусов Белинского, о безосновательно занятой им «учительной» позиции в отношении других писателей. В книге «Николай Гоголь» (1942) Набоков высоко оценил личность Белинского как «гражданина и мыслителя»[15], чем окончательно подтвердил свое несогласие с низкой оценкой Айхенвальдом интеллектуального уровня «отца русской критики».

В параграфе «**Полемика Набокова с критиками “Защиты Лужина” и “Возвращения Чорба”»** рассматриваются в хронологическом порядке имеющиеся у нас отсылки Набокова к литературно-критическим отзывам об этих произведениях, которые послужили источником для формирования полемического подтекста в творчестве писателя.

В подтексте предисловия к английскому изданию «Защиты Лужина» 1963 г. содержится ироническое переосмысление Набоковым как абсурдных рекомендаций писателям, которые сформулировал Адамович в своем предисловии к изданию романа начала 1960-х гг. Кроме того, Набоков опроверг утверждения своего критика о немотивированности концовки «Защиты Лужина», указав на конструктивный для его замысла лейтмотив «стеклянного квадрата». При этом Набоков придумывает ряд несуществующих сцен, в которых якобы содержится указанный лейтмотив, с «реальными» отсылками к тексту романа. Этот прием мистификации, который Набоков уже применял в отношении своего главного зоила, в данном случае обнажает психологическую подоплеку сознательной фальсификации Адамовичем образа Лужина как психопата. В этом

[15] Набоков, В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1999. С. 110.

же предисловии Набоков акцентировал свое сочувственное отношение к Лужину, опровергнув мотив «безжалостности» автора к герою, который развивали Адамович и Струве в своих статьях.

Недавно опубликованные письма Набокова к жене, к Г.П. Струве, к редакторам «Своременных записок» содержат целый ряд имеющих самостоятельную значимость прямых высказываний писателя о личности и творчестве таких критиков «Защиты Лужина», как К.И. Зайцев, Б.К. Зайцев, А.Я. Левинсон, Г.Д. Хохлов, А.И. Куприн, Г.В. Иванов, З.Н. Гиппиус. В нашей работе мы собрали и систематизировали эти ценные свидетельства, раскрывающие полемический подтекст произведений писателя в новом свете.

В параграфе «**Личность и творчество З.Н. Гиппиус в полемическом подтексте творчества Набокова»** рассматривается рецепция писателем фигуры этого критика, скупые отзывы которого о его творчестве, возможно, подтолкнули его на многолетнюю полемику, затронувшую в том числе такие глобальные темы, как задачи литературы как вида искусства, судьба «молодых» эмигрантских литераторов, пушкинский генезис современной русской литературы.

В известных прямых отзывах Набокова о негативных высказываниях Гиппиус по поводу его творчества акцентируются мотивы ее слепоты как критика, неискренности, вызванной групповыми интересами. При рассмотрении «Литературного девника» Гиппиус в нашей работе подчеркиваются характерные для него мотивы религиозной и общественной ангажированности искусства, критики «эстетических» убеждений декадентов, которые послужили источником для формирования полемического подтекста в рецензии Христофора Мортуса на «Жизнеописание Н.Г. Чернышевского» Ф.К. Годунова-Чердынцева, а также в карикатурном образе писателя-«общественника» Ширина и сцене собрания Общества Русских Литераторов в Германии из романа Набокова «Дар». В образе Ширина Набоков переадресовал Гиппиус ее антидекадентские колкости, усилив в них мотивы «слепоты» и «глухоты», феноменальной оторванности от окружающего мира. В образе Мортуса высмеял призывы Гиппиус, обращенные к молодым писателям, разрабатывать в своем творчестве тему смерти как якобы

оправдывающую само существование искусства. В образе Кончеева пародийно отразились убеждения Гиппиус о деструктивности для поэзии рационального начала.

В части данного параграфа, посвященной рассмотрению откликов Набокова на критические оценки сборника «Возвращение Чорба», на наш взгляд, заслуживают внимания прежде всего неоднократные утверждения писателя о конструктивном значении для его творчества абсолютной власти автора над своими героями. Другими словами, Набоков косвенно подтвердил проницательность наблюдения Г.Д. Хохлова, который первым отметил данную особенность его поэтики.

В **Заключении** диссертации подводятся ее общие итоги, намечаются перспективы исследования. Мотивный анализ литературно-критической набоковианы 1920–1930-х гг., посвященной произведениям писателя 1920-х гг., позволил представить закономерности построения единого критического текста вокруг творчества того или иного писателя. Конструктивную роль в этом процессе выполняет система лейтмотивов, генезис и эволюция которых составляет сюжет единого критического текста. Любой критик, вне зависимости от своего веса в существующей иерархии авторов, учитывает данную закономерность, как бы «подключаясь» в своих суждениях к уже существующей системе лейтмотивов. Он может их развивать или варьировать, но полностью от них отказаться он не может, не рискуя оказаться аутсайдером в данном литературно-критическом процессе. Метод поиска источников в сочетании с мотивным анализом показал многолетний значительный интерес Набокова к литературно-критической набоковиане 1920–1930-х гг. Посредством прямых оценочных суждений, деклараций своих эстетических убеждений, писатель пытался повлиять на эволюцию литературно-критической набоковианы. Однако эта система показала свою герметичность, недоступность для вмешательства со стороны объекта ее отражения. На наш взгляд, именно по этой причине Набоков довольно быстро отказался от рецензентской практики, сконцентрировав усилия на создании полемического подтекста в своих художественных произведениях.

Как показало время, писатель добился своей цели, создав конкурирующий с литературно-критической набоковианой межвоенного двадцатилетия текст, определяющий восприятие его произведений как классических, по крайней мере, на его Родине. Представляется актуальным дальнейшее исследование послевоенной набоковианы как источника формирования полемического подтекста в творчестве Набокова американского периода, с учетом отмеченных в нашей работе закономерностей в создании единого текста, структурированного системой лейтмотивов.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

1. Обухова, Е.А. Стилизация или подражание? (Полемика В.В. Набокова с критиками «Грозди» и «Горнего пути») / Е.А. Обухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Выпуск 6 (июнь). – С. 38–42.

2. Обухова, Е.А. В.В. Набоков о поэтике стиха (1920–1930-е гг.) // Казанская наука. – 2019. – № 6. – С. 10–13.

3. Обухова, Е.А. Тема прозаизации стиха в полемическом диалоге В.В. Набокова с критиками 1920–1930-х гг. // Казанская наука. – 2019. – № 7. – С. 13–16.

4. Обухова, Е.А. «Литературный дневник» З.Н. Гиппиус в сатирическом преломлении романа В.В. Набокова «Дар» // Филologos. – 2019. – Выпуск 3 (42). – С. 68–74.

Статьи, опубликованные в других изданиях

1. Обухова, Е.А. Политические аспекты биографии А.С. Пушкина в «Комментариях к «Евгению Онегину» В.В. Набокова / Е.А. Обухова // Эпоха

великих потрясений в литературе, языке и культуре. Материалы Международной научной конференции. – Курск, 2018. С. 180–184.

2. Обухова, Е.А. Биография И.С. Тургенева в исследованиях В.В. Набокова (на материале «Лекций по русской литературе») / Е.А. Обухова // «Его величество язык ее величества России». Сборник трудов международной научной конференции к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича. Тургенева (1818–1883). – Орел, 2018. С. 158–163.